

На правах рукописи

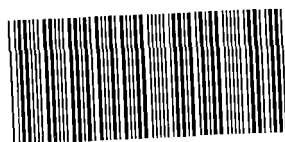
ТОМСКИХ Андрей Александрович

**ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАНСГРАНИЧНЫХ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Специальность 25.00.24 «Экономическая, социальная,
политическая и рекреационная география»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора географических наук

005537937

Пермь - 2013

1 1 1007 2013

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет» (г. Чита).

Научный консультант:

Сысоева Наталья Михайловна

доктор географических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической и социальной географии Иркутского государственного университета, заведующая Отделом Иркутского научного центра СО РАН (г. Иркутск).

Официальные оппоненты: Анимица Евгений Георгиевич

доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной и муниципальной экономики Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург).

Герасименко Татьяна Ильинична

доктор географических наук, доцент, декан геолого-географического факультета, заведующая кафедрой географии и регионоведения Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Гомбоев Баир Октябрьевич

доктор географических наук, главный научный сотрудник Байкальского института природопользования СО РАН (г. Улан-Удэ).

Ведущая организация: Тихоокеанский институт географии (г. Владивосток).

Защита состоится «19» декабря 2013 года в 13-30 на заседании диссертационного совета Д 212.189.10 при Пермском государственном национальном исследовательском университете по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, корп. 8, ауд. 215. e-mail: seg@psu.ru, факс: 8(342)239-63-54.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеки ПГНИУ. Автореферат диссертации размещен на сайте ПГНИУ: www.psu.ru и официальном сайте ВАК РФ.

Автореферат разослан «10» ноября 2013 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета,

кандидат географических наук, доцент

Т.А.Балина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Лейтмотивом экономического роста стран и регионов мира стал тезис о том, что «образование – ключ будущего процветания». Поэтому ведущие экономики мира сосредоточили свое внимание на инвестициях в развитие человеческого капитала, в его социальное окружение и качество жизни. Мощным толчком развития мировых образовательных систем и появления новых пространственных форм явились тенденции коммерциализации, информатизации, развития сетевого формата технологий и предоставления услуг. В то же время все больше образование в мире рассматривается не только как необходимое для жизни благо, но и как коммерческая услуга. Образование, особенно высшее, становится примером классической отрасли экономики нового вида со всеми вытекающими для нее законами, что расширяет представление о его территориальной организации.

Высшая школа России на протяжении многих лет XX в. была одним из мировых лидеров в подготовке высококвалифицированных кадров. Сегодня с социально-экономическими преобразованиями в стране происходит модернизация высшей школы, встраивание ее в мировую систему. Стратегической задачей развития высшего профессионального образования России становится переход на инновационный путь развития. Для этого в соответствии с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года» на национальном уровне происходят процессы изменения системы управления профессиональным образованием, оптимизации сети высших учебных заведений с выделением групп университетов инновационного прорыва. Близкие по содержанию реформы происходят во многих странах. Отсюда изучение территориальной организации процессов развития высшего образования на глобальном, национальном и региональном уровне становится крайне необходимым, так как понимание главных трендов мирового образования позволяет выстроить четкую стратегию развития российской образовательной системы на европейском, евразийском и азиатско-тихоокеанском направлениях.

Стратегии национального развития России и Байкальского региона предполагают рассматривать повышение конкурентоспособности территории через создание эффективных кластеров в системе производство-образование-наука-инновации/наука-бизнес-государство, включение их в мировое, национальное и региональное экономическое пространство. Последнее предусматривает разработку соответствующих программ развития как отраслей, так и территорий, изучение особых территориальных моделей трансграничной организации процессов профессионального образования, возникающих в результате влияния факторов глобализации и регионализации.

Работа вносит вклад в развитие теории территориальной организации высшей школы. Данное направление в экономической географии изучает пространственно-временные аспекты профессионального образования на макро-, мезо- и микроуровнях исследований. В работах классиков

географических исследований развиваются такие направления, как: описательное хронологическое, теоретическое, методическое, экономико-географическое, социально-географическое, политико-географическое, историко-географическое, региональное. Мы считаем, что исследование трансграничных систем, факторов их организации, взаимодействия с экономикой и населением в эпоху глобализации должно стать одним из направлений географических исследований в концепции территориальной организации высшего профессионального образования.

Объект исследования – региональные научно-образовательные системы в условиях процессов интернационализации, интеграции, глобализации и регионализации.

Предмет изучения – трансграничные формы территориальной организации научно-образовательных систем в мировых, национальных и региональных стратегиях развития.

Цель работы – изучение условий и факторов формирования научно-образовательных систем в странах и регионах мира и разработка территориальной модели системы, наиболее полно учитывающей трансграничные процессы в развитии региона.

В процессе исследования потребовалось решение ряда задач:

- обобщить теоретические вопросы развития общественных систем и трансграничного подхода в географических исследованиях;
- расширить представления о пространственно-временных моделях в исследованиях общественных процессов с экономико-географических позиций;
- выделить наиболее существенные социально-экономические факторы трансграничной территориальной организации мировых и национальных научно-образовательных систем в условиях глобализации и регионализации;
- исследовать существующие и перспективные мировые, региональные и национальные модели научно-образовательных систем, их территориальную организацию в разные периоды развития, современные стратегии в русле концепций экспорта образовательных услуг;
- предложить модель развития региональной научно-образовательной системы образования на макро-, мезо- и микроуровнях, с учетом кластерного подхода и трансграничных процессов в мировом образовании.

Методология работы основывается на системном подходе к предмету исследования. Предмет исследования рассматривается, как территориальная общественная (пространственно-временная) система – сочетание общественных компонентов. В работе системный подход находит конкретное выражение в исследовании свойств (иерархичности, структурности, функциональности) и факторов организации трансграничных моделей территориальной организации научно-образовательных систем. Последнее является объектом исследования теоретической географии - географического пространства, выраженного через взаимодействие картоидов. Запросы практики привели к необходимости исследования трансграничных форм в территориальных системах на региональном уровне (структуры, асимметрии, сбалансированности,

управления) и применения такого инструмента, как кластерный подход для решения поставленных целей.

Степень разработанности темы. Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составляет системный подход к изучению общественных процессов и явлений. В его развитии нами использованы геопространственные представления Э. Б. Алаева, Е.Г. Анимицы, А. Геттнера, В. М. Гохмана, В. Бунге, Б. М. Ишмуратова, Ю.П. Михайлова, Б. Б. Родомана, Ю. Г. Саушкина, В. Б. Сочавы, Т.В.Субботиной, П. Хаггета, В. А. Шальнева, М.Д. Шарыгина и др.

Пространственно-временные аспекты мирового, национального и регионального развития мы рассматривали, опираясь на концепции «центр-периферия» Д. Фридмана, энергопроизводственных циклов Н. Н. Колосовского, ресурсных циклов И. В. Комара, инновационных циклов В. Л. Бабурина, циклов рыночной экономики С. Н. Соколова; геосистемного моделирования В. Б. Сочавы, геопространственных моделей В. А. Шальнева, полисистемных моделей А. К. Черкашина; пространственного социально-экономического моделирования территорий Б. Б. Родомана, П. Хаггета, М. К. Бадмана, Ю. Г. Липеца, А. В. Тикунова; кластерной концепции М. Портера и др.

Трансграничные вопросы функционирования геопространственных систем рассмотрены в работах П. Я. Бакланова, С. С. Ганзея, Т.И. Герасименко, А. Г. Дружинина, В. С. Корнеевца, В. А. Колосова, Л. М. Корытного, М. Ю. Шинковского, В. Е. Шувалова и др.

При анализе территориальных аспектов развития экономики на мировом, национальном и региональном уровне нами использованы труды Д. Балжинияма, Л. А. Безрукова, Л. Б. Вардомского, С. О Глазьева, А. Г. Гранберга, М. Г. Делягина, В. А. Дергачева, Б. М. Ишмуратова, М. Б. Мещанинова, Н. М. Сысоевой, А. Я., А.М. Трофимова, Э. Тоффлера, М.Д. Шарыгина, А.Я. Якобсона и др.

Пониманию современных аспектов территориальной организации мировой высшей школы способствовали труды А. Л. Арефьева, И. А. Артушиной, В. И. Байденко, М. В. Богуславского, Н. Е. Боревской, М. Галушкиной, Ц. Дэмбэрэла, А. Жанчивын, Б. В. Железова, Г. Ицковиц, А.П. Катровского, Э. Ю. Кавериной, м.в. Ларионовой, О. М. Карпенко, А. А. Маслова, В. А. Садовниченко, В. А. Шутилина, Ф. Э. Шереги, Г. П. Черникова, Ли Ликсу и др.

Научная новизна:

- разработана методология формирования трансграничных научно-образовательных систем в условиях процессов интернационализации, интеграции, глобализации и регионализации в рамках системы представлений о территориальной организации общества;

- предложены подходы к выделению форм развития трансграничных геопространственных процессов сложных научно-образовательных систем, исследованию иерархии и динамики трансграничного пространства, разработке принципов его классификации;

- введены понятия трансграничных моделей систем территориальной организации на примере научно-образовательных систем: асимметричной, соседской, взаимной экспансии, односторонней экспансии, поглощения, сотрудничества, регионального сетевого взаимодействия;

- выявлены основные черты многовекторности политики России в сфере образования, обоснованы ее проблемы, возможные модели развития и конкурентные преимущества и недостатки;

- изучена отраслевая и территориальная организация научно-образовательных систем смежных районов России, Китая и Монголии, рассмотрены ее конкурентные преимущества с учетом трансграничного фактора развития;

- доказана необходимость учета закономерностей и пространственных особенностей территориальной организации современных трансграничных научно-образовательных систем и перспективность использования новых идей в практике реализации модели кластера научно-образовательного пространства Байкальского региона с учетом его международных, национальных и региональных приоритетов развития.

В качестве **основных методов** исследования в работе использовались: системный, сравнительно-географический, картографический, моделирования, статистический, типизации, районирования, векторного и индикативного анализа.

Информационная база исследования. Для работы использованы картографические, статистические материалы, программы развития национальных экономик и отраслей, нормативно-законодательная база Министерства образования и науки РФ, собственные исследования в течение последнего десятилетия.

Практическая значимость работы. Проведенное исследование позволяет моделировать национальные и региональные научно-образовательные кластеры с позиции трансграничного взаимодействия, решения задач страны по экспорту образовательных услуг, позиционирования государства и регионов в мировой экономической и образовательной системе. В работе даны предложения по модернизации системы профессионального образования Байкальского региона. Материалы могут быть использованы географами, экономистами, социологами, историками, педагогами, специалистами в области управления образовательными системами для решения задач в рамках федеральных проектов и программ: «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», «Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года», «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года», «Социально-экономическое развитие Забайкальского края на 2010-2014 годы», «Разработка стратегии и формирования методологии профессионального образования в

целях реализации стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации», «Развитие образования» на 2013-2020 годы.

Работа выполнялась в рамках Аналитической ведомственной целевой программы (АВЦП) «Развитие научного потенциала высшей школы» №2.1.3/10962, ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. №5.2654.2011 и № 14.740.11.0211.

Апробация работы и публикации. Основные теоретические положения и практические результаты докладывались и обсуждались на совещаниях, конференциях, семинарах научно-исследовательских институтов и университетов в Чите, Иркутске, Улан-Удэ, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Владивостоке, Волгограде, Курске, Тамбове, Красноярске, Перми, Улан-Баторе (МНР), Хулунбуире (КНР). По теме диссертации опубликована монография объемом 16,0 п.л., статьи в коллективных монографиях и учебно-методических работах: «Трансграничные научно-образовательные структуры в глобальном, национальном и региональном развитии» (2012), «Позиционирование территории Байкальского региона в условиях трансграничья» (2012). Опубликовано 16 статей в изданиях, рекомендованных ВАК (42,3 п.л.): «Вестник БФУ», «Вестник БГУ», «Перспективы науки», «В мире научных открытий», «Ученые записки ЗабГГПУ», «Вестник ЧитГУ» «Известия ИГУ», «География в школе», «Глобальный научный потенциал», «География и природные ресурсы», также статьи в других журналах, сборниках и материалах конференций. Всего автором опубликовано более 80 публикаций по географии общества (69,6 п.л.) и учебно-методических работ (40,0 п.л.), из них 42 – по теме диссертации.

Структура и объем работы. Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, семи глав, заключения, списка литературы и приложения. Работа изложена на 404 страницах машинописного текста, содержит 24 рисунка, 83 таблицы, приложение. Список литературы насчитывает 446 наименований.

ОСНОВНЫЕ ЗАЩИЩАЕМЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Процессы интернационализации, интеграции, глобализации и регионализации приводят к формированию на различных уровнях новых форм геопространственных образований - трансграничных научно-образовательных систем, территориальная организация которых является предметом изучения географии.

Моделирование в географических исследованиях разного уровня один из актуальных методов решения задач познания процессов, и вопросы территориальной организации научно-образовательных систем не являются исключением. С позиции географической науки цель моделирования связана с изучением геопространства, его общих свойств и свойств географических образований в нем (структуры и функций). Характеристиками геопространства служат понятия элементов (географических районов, зон, полей, центров,

полусов, узлов) и процессов (динамики явлений, ориентации, позиционирования, массы, связей, структурно-динамических сдвигов, плотности). Важнейшим методом изучения геопространства является системный подход, связанный с восприятием рассматриваемых объектов как сложных и сверхсложных систем. В последние десятилетия при разработке программ стратегического развития страны в целом и регионов в частности появилось понятие «кластер». Применение кластерных механизмов представляется необходимым и для решения задач, обозначенных в представленном исследовании.

В основу предложенной схемы геопространственных моделей нами были взяты представления П. Хаггета об узловых районах, их сетевой структуре, иерархии, рассматриваемых как поверхности; М. Портера – о кластерах и региональных кластерах для выделения пространственного скопления взаимосвязанных хозяйствующих структур; Б. Б. Родомана – о территориальных системах и их иерархии, выраженных картоидами; В. Б. Сочавы – о принципах классификации геосистем, их иерархии и динамики; В.А. Шальнева – о геOVERСУМЕ и А. К. Черкашина – о полисистемных моделях (Хаггет, 1968; Портер, 1993; Родоман, 1999; Сочава, 1978; Шальнев и др., 2009; Черкашин, 2009). Мы применили вышеназванные модели для объяснения функционирования многоуровневого социально-экономического пространства, его функций и поэлементной структуры (рис. 1)..

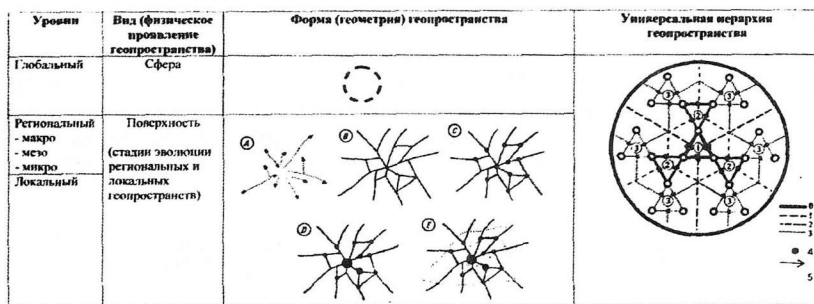

Рис. 1. Геопространственные модели в географических исследованиях.

Стадии эволюции региональных и локальных геопространств (систем, кластеров) (по П. Хаггету, 1968): А – перемещения, В – сети, С – узлы, D – иерархии, E – поверхности.

Модель иерархии геопространства (системы, кластеров) (по Б. Б. Родоману, 1999): границы: 0 – глобального уровня, 1 – макро-, 2 – мезо-, 3 – микрорегионального уровня, 4 – локального уровня, 5 – уровневые связи

Глобальный уровень представляет информационно-знаниевую оболочку, близкую по своему содержанию понятию В. И. Вернадского ноосферы планеты (1944). Ее важнейшим признаком является «разум человека», формируемый общими усилиями всех людей «в интересах развития всего человечества и каждого отдельного человека». На настоящем этапе развития человеческого общества, в контексте нашего понимания, она становится

«осязаемой/ощущаемой» в виде глобальной информационной сети Интернет, что образует мировое информационное пространство. Его А. Ю. Скопин назвал информационно-технологической сферой (ИТС) (2001). У В. Кристаллера такое пространство представлено особой разновидностью сетки – глобальным квазидодэкаэдром, состоящим из вершин (узлов) и ребер (путей); у В. А. Шальнёва – глобальным социотехническим геопространством, ограниченным геOVERСУМОМ (пределным геопространством); у А. К. Черкашина – сферической схемой представления знаний, в основе которого лежит матричная модель – решетка (Шальнев и др. 2009; Черкашин, 2009). Б. Б. Родоман считает (1999), что это «фигура» всемирной транспортной сети. Ее графическое выражение уже сейчас проявляется схемами размещения спутников навигационных систем и серверов всемирной сети, представляющих новые виртуальные отрасли планеты.

Глобальная информационная сеть делает систему мировых знаний генетически взаимосвязанной и обладает признаками открытости, относительной независимости и доступности, что устраняет национальные информационные границы общественных систем. Глобализация – это мощное направление в развитии международного бизнеса. Основная идея ее стратегии – распространение стандартных процессов и технологий во всем мире. Так, например, использование интернет-технологий и принципов глобализации обеспечило появление в международном бизнесе мегауниверситетов, которые объединились в Глобальную сеть мегауниверситетов.

Региональный и локальный уровни представляют собой иерархические геопространственные системы. Их динамика может быть выражена в схемах эволюционных стадий (этапах) региональных и локальных геопространств, понимаемых сегодня в экономической географии как кластеры: перемещениесети-узлы-иерархии-поверхности.

Исследования географов показывают, что географическому пространству присущи свойства дифференциации и интеграции, континуальности и дискретности. Таким образом, пространство по своей сути трансгранично. Согласно универсальной иерархии Б. Б. Родомана (1999), геопространственные модели должны иметь глобальный, региональный (макро-, мезо-, микро-) и локальный уровень. При этом на всех уровнях, по теории П. Хаггета (1968), будут проявляться стадии эволюции геопространства (перемещения, сети, узлы, иерархии, поверхности).

По нашему мнению, трансграничная модель геопространства, есть стадия изменения пространства во времени при взаимодействии с другими аналогичными образованиями, и для формирования такой модели на региональном уровне обязательным его элементом будет граница как таковая. Поскольку чаще всего речь идет о сотрудничестве регионов или стран, то их национальное геопространство должно иметь зрелую эволюционную стадию – поверхность. Для нее характерны устойчивые центры различного уровня (полюса, ядра, точки роста), развитые сетевые взаимодействия между элементами системы и устоявшиеся границы влияния (проникновения). Модели

будут эволюционировать по законам пространственной дифференциации и интеграции (взаимодействие картоидов). Мы предлагаем назвать наши модели: асимметричной, соседской, взаимной экспансии, односторонней экспансии, поглощения, сотрудничества, регионального сетевого взаимодействия (рис. 2).

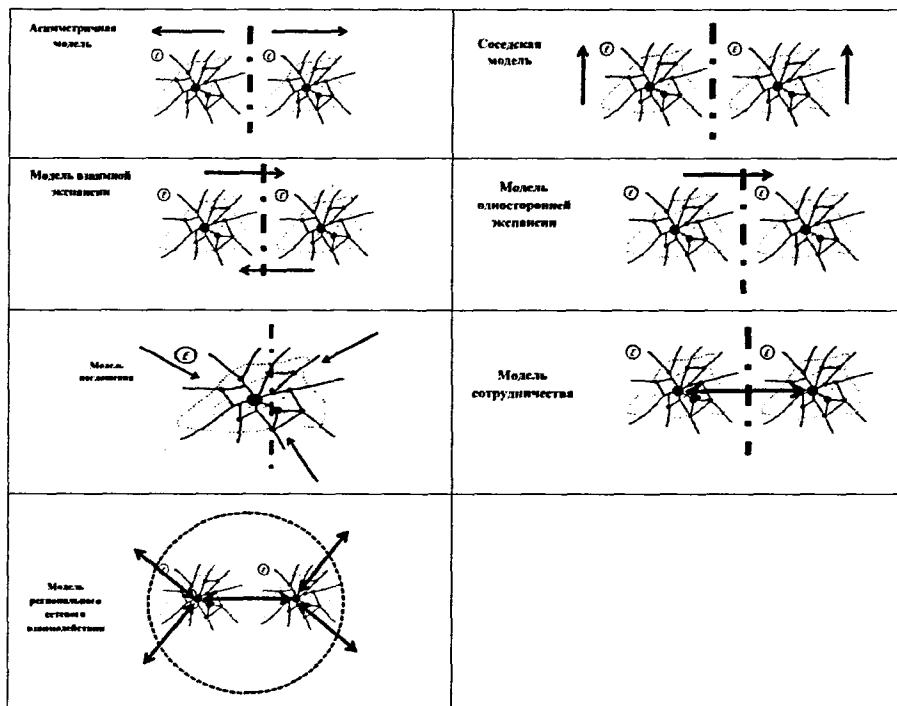

Рис. 2. Модели трансграничного геопространства

Е – стадии эволюции региональных геопространств (системы, кластера), поверхность (по П. Хаггету, 1968); — . . . граница, —> градиент (вектор) (по П.Я. Бакланову, С.С. Ганзю, 2010).

Асимметричная модель представляет собой несколько зрелых геопространств-поверхностей, разделенных между собой границей. Градиент развития процессов направлен в различные стороны. Между геопространствами практически нет никакого взаимодействия. Это геопространство закрытого типа, хотя ключевые аспекты внутри национальных пространств могут быть схожи. Граница в данном случае выполняет барьерную функцию. Стратегия развития такого геопространства жестко разграничивает национальные процессы развития в пределах своих территорий. Примером является социалистическая и капиталистическая системы, административная модель управления образовательными системами в СССР и либеральной в США и ЕС.

Соседская модель представляет собой несколько зрелых геопространств-поверхностей, разделенных между собой границей, выполняющей пороговую функцию. Эволюция этой стадии геопространства региональной системы предполагает частично согласованные позиции по общим проблемам развития процессов, включение их в национальные стратегии развития. Но она ограничивает в пределах национальных территорий деятельность субъектов других государств, т.е. пространства развиваются все-таки независимо. Это геопространство предполагает параллельное перемещение градиента. Примером является развитие модели профессионального образования России и ЕС 1992–2011 гг. Здесь налицо общий тренд на Болонский и Копенгагенский процессы, но до конца не выработаны механизмы и принципы его создания и взаимоотношения в едином европейском образовательном пространстве между национальными образовательными системами.

Модель взаимной экспансии представляет собой несколько зрелых, близких по мощности геопространств-поверхностей, разделенных между собой границей, которая выполняет контактную функцию. Эволюция этой стадии геопространства региональной системы предполагает частично согласованные позиции по общим проблемам развития процессов, включение их в национальные стратегии развития. Она не ограничивает пределами национальных территорий деятельность субъектов других государств. Градиент взаимно направлен на сопредельную территорию. Примером являются существующие концепции экспорта образовательных услуг, например Китая и России, которые взаимно рассматривают друг друга как важный рынок ресурсов студентов для своих образовательных систем.

Модель односторонней экспансии представляет собой несколько зрелых, но разных по уровню развития геопространств-поверхностей, разделенных между собой границей, которая выполняет контактную функцию. Разный уровень развития геопространства приводит к появлению «доминантных» геопространств, которые эффективно позиционируют на сопредельной территории. Эволюция этой стадии геопространства региональной системы предполагает частично согласованные позиции по общим проблемам развития процессов, включение их в национальные стратегии развития. Она не ограничивает в пределах национальных территорий деятельность субъектов других государств. Градиент взаимно направлен на сопредельную территорию. Примером являются отношения в области профессионального образования между Россией и странами СНГ. Российское образование доминирует в выборе абитуриентов на постсоветском пространстве.

Модель поглощения представляет собой одно зрелое гипердоминирующее геопространство-поверхность, формально разделенное между собой границей, которая выполняет контактную функцию. Эволюция этой стадии геопространства региональной системы предполагает несогласованные позиции по общим проблемам развития процессов, что влечет за собой захват геопространства. К такой конфигурации пространства также может привести асимметричность процессов развития национальных систем,

приводящих к появлению «ведущих» и «ведомых». Модель распространяется за пределы национальных территорий. В ней формируется единственное доминирующее ядро на «ведущей» территории и происходит концентрация процессов. Примером являются процессы глобализации в развитии образовательных систем, выражающихся, например, в гипердоминировании англосаксонской модели профессионального образования во всем мире.

Модель сотрудничества представляет собой несколько зрелых, близких по мощности геопространств-поверхностей, разделенных между собой формальной границей, которая выполняет контактную функцию. Эволюция этой стадии геопространства региональной системы предполагает согласованные позиции по общим проблемам развития процессов и включение их в национальные стратегии развития. Но она ограничивает в пределах национальных территорий деятельность субъектов других государств. Градиент взаимно направлен на сопредельную территорию. Примером пространства является прообраз создания единого европейского и евразийского образовательного пространства на базе экономической и политической интеграции и идей Болонского и Копенгагенского процессов в образовательной сфере.

Модель регионального сетевого взаимодействия представляет множество зрелых, близких по мощности геопространств-поверхностей, фактически объединенных в одно международное трансграничное пространство. Эволюция этой стадии геопространства системы предполагает согласованные позиции по общим проблемам развития процессов и включение их в национальные стратегии развития. Она не ограничивает пределами национальных территорий деятельность субъектов других государств, имеет сетевой формат. Это верхняя стадия концентрации, приводящая к революционному развитию всей системы. Градиент направлен по циркулярной траектории по всем территориям участникам регионального взаимодействия. Примером являются образовательные пространства на базе открытых сетевых систем, например Глобальных дистанционных университетов или Открытого университета Арктики. В первой своей стадии такая форма связана с региональным пространством модели сотрудничества, поэтому называется геопространством регионального сетевого взаимодействия. Ведь в нашем представлении регионализация – ступень глобализации.

Таким образом, предложенные нами модели позволяют говорить о принципах классификации трансграничного геопространства, его иерархии и динамике.

2. Законы и тенденции развития мировой экономики и политики определяют совокупность принципов, факторов и стратегий формирования современных трансграничных территориальных научно-образовательных систем, усиливающих конкурентные преимущества национальных и региональных кластеров подобного вида. Процессы асимметрии развития профессионального образования в условиях глобализации и регионализации являются ведущими в динамике

геопространственных моделей макроуровня, они повторяют тенденции экономической и технологической поляризации мира.

Ведущие страны планеты осуществляют переход своего хозяйства с индустриального типа на постиндустриальный. Главным становится тезис о том, что «образование – ключ будущего процветания». Их дальнейшие перспективы будут определяться умением «сознательно формировать необходимые конкурентные преимущества – проектировать свое влияние, создавать новую продукцию и развивать новые формы кооперации» (Макушкин, 2010). До сих пор ведущими факторами территориальной организации высшего образования стран назывались следующие: потребители; крупные промышленные центры; населенные пункты с достаточным потенциалом численности населения и ранга; потенциала освоения территории (Катровский, 2003). Сегодня к ним, в период глобализации и регионализации, специалистами добавились (Шереги и др., 2003; Галушкина, 2004, 2005; Черников, 2006; Ищенко, 2006; Котельников, 2007; Ларионова, 2007; Карпенко и др., 2008; Смолькова, Урода, 2009; Арефьев, 2009, 2010; Филиппов, 2010):

1. Формирование «экономики знаний». По мнению Б. Гейтса, «образование – лучшее вложение денег» (1990). В мире сформировался устойчивый рынок образовательных услуг: получение высшего образования, различные курсы, повышение квалификации и т.д. Образовательные услуги в 2003 г. предлагали учебные заведения 129 стран. Оборот мирового рынка образования в 2004 г. составил 50–60 млрд долл. США. Наиболее востребованными направлениями подготовки являются: бизнес-образование – 25% студентов, технические и инженерные науки – 20%, социальные науки – 7-8%, искусство – 5-6%, медицина – 4-5%. Треть мирового финансового оборота приходится на США, далее идет Великобритания – 15%, Германия, Франция – по 10%, Австралия, Канада, Испания – по 7-8%.

2. Формирование международного разделения труда в области образования. В настоящее время в мире выделяются три полюса образования – американский (США, Канада, Бразилия, Аргентина, Чили, Мексика); европейский (Великобритания, Германия, Франция, Италия, Нидерланды и др.) и азиатско-тихоокеанский (Япония, Китай, Австралия, Израиль, Корея и др.). На первый и второй полюсы приходится по 600 тыс. студентов, на третий – 200–220 тыс. Выделяют три группы стран: ориентированные на импорт (развивающиеся страны и бывшие колонии); ориентированные на экспорт (развитые англоязычные страны); имеющие ту или иную специфику (неанглоязычные страны). Среди стран также закрепились определенная специализация: США – бизнес-образование, Германия – инженерно-техническое, Франция – гуманитарное, Италия – медицинское и т.д.

3. Использование в обучении международных языков. В разные периоды исторического развития мира языки способствовали развитию научных представлений, расширяли границы взаимодействия. К таким языкам относятся греческий, латинский и немецкий. В настоящее время речь идет, прежде всего, об английском языке. Так, преподавание части образовательных программ

вузов мира, ориентированных на иностранных студентов или экспорт образовательных услуг, полностью и частично ведется на английском языке.

4. «Утечка мозгов» как мера повышения конкурентоспособности промышленно развитых стран. По некоторым данным, благодаря обучению на своей территории иностранцев, ведущие полюсы развития получают примерно 1 млн. высококвалифицированных специалистов, остающихся в этих странах. Например, к ним относятся 30–50% всех магистров, 68% докторантов, 25–30% профессоров США.

5. Образование как инструмент распространения «гибкой власти». По Д. Наю, «гибкая власть» – это не только собственно влияние (influence), но и «привлекательность» (attractive power). Многие страны обучают иностранных студентов бесплатно по различным гуманитарным программам. Это инвестиции в будущие элементы влияния в этих регионах. Так, в годы СССР такая практика позволила подготовить много специалистов для стран социалистического лагеря и развивающихся государств – 10,8% от общемировой численности студентов. В настоящее время многие из них являются знаковыми фигурами в своих странах и регионах и поддерживают дружественные отношения с Alma-mater и второй родиной. К проявлению такой политики относится поддержка других национальных систем образования и образование различных культурных центров за пределами своей страны. «Курирование» систем образования осуществляется Францией - для франкоговорящих стран, Испанией - для испаноговорящих стран, Австралией - для стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Китаем – для стран Африки. Культурные центры, например, представлены Китаем в виде Глобальной сети институтов Конфуция, создаваемых Китайским комитетом по распространению китайского языка за рубежом.

6. Трансграничный характер предоставления образовательных услуг. В «Концепции экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг.» используется такая трактовка. «Трансграничное, или транснациональное, высшее образование – процесс, выражающийся в трансграничной мобильности всех участников научно-образовательного процесса, образовательных программ, поставщиков образовательных услуг, совместных академических проектов». Экспорт образовательных услуг может быть осуществлен следующими способами: трансграничная поставка, без непосредственного перемещения потребителя; потребление услуг за границей, с непосредственным перемещением потребителя в предоставляющую услугу страну; коммерческое присутствие, с непосредственным перемещением поставщика услуги к потребителю; присутствие физических лиц, с перемещением физических лиц, носителей образовательной услуги, без перемещения потребителя.

7. Сетевое взаимодействие на фундаменте общего информационного ресурса. Новые вузы напоминают компании, работающие в открытом рынке. С одной стороны, это классические учебные заведения, имеющие многочисленные филиалы и представительства за рубежом, с другой - сети

мегауниверситетов (более 100 тыс. студентов), оказывающие образовательные услуги с помощью дистанционных технологий. В них соответственно каждый элемент сети обладает одинаковыми возможностями по использованию информации. Общее количество студентов мегавузов – около 10 млн чел.

8. Развитие транснациональных компаний в области образования. Это неправительственные организации с негосударственным финансированием, но с мощной государственной поддержкой: DAAD (Германская служба академических обменов, Германия; Deutscher Akademischer Austausch Dienst); British Council (Британский совет, Великобритания); CIMO (The Centre for International Mobility, Финский центр международной мобильности, Финляндия); IDP Education Australia (Организация академического обмена, Австралия); EduFrance (AEFE, фр. L'agence pour l'enseignement français à l'étranger (Французское государственное образовательное агентство, Франция); NAFSA (NAFSA: Association of International Educators) (Национальная ассоциация консультантов зарубежных студентов, США) и др. Это мощные транснациональные корпорации, объединяющие различные вузы и работающие в области образования, культуры и искусства. Например, сеть EduFrance работает в 30 странах мира и объединяет 175 французских университетов, British Council представлена в 110 странах мира, под крылом DAAD находится 232 высших учебных заведения. В России было открыто до 2008 г. 15 представительств British Council и 40 представительств и пунктов EduFrance, 40 представительств программы «Работа и отдых в США» (Summer Work and Travel – SWT).

9. Массовость высшего образования. По данным ЮНЕСКО, количество студентов в мире выросло с 97 млн в 2005 г. до 260 млн чел. в 2010 г. При этом мировой рынок иностранных студентов составляет 5-7 млн чел. В некоторых странах осуществляется переход практически к 100-процентному высшему образованию (бакалавриат в Японии).

10. Информатизация высшего образования. Фактор обусловлен общим прогрессом интернет-технологий. С этим изменились формы подачи, поставки и оценки знаний в образовательном процессе. Образовательная среда стала носить открытый характер, доступность многих вузов перестала лимитироваться транспортным фактором. Зачастую это лишь ограничения по языку и стоимости. Сегодня все большее населения мира имеет возможность выхода в глобальную сеть (в Южной Корее – 85-100%, в России – 40-50% в зависимости от технологий). Только за 2007–08/2012 гг. прирост пользователей Интернета составил: в Европе – 8%, в России – 27%.

11. Инвестиционные детерминанты субъектов мирового рынка. Среди них определяют следующие: усиление роли «фактора знаний», что приводит к изменению структуры инвестиций – уменьшение доли первичного сектора и увеличение вторичного и третичного секторов экономики, переход от «реальной экономики» (работ, товаров и услуг) к экономике «символов» (капитала, валют, знаний); либерализация экономики, что позволяет привлечь иностранный капитал и разных собственников; тенденция перемещения

«реальной экономики» в развивающиеся страны, что усиливает диспропорции в мировом развитии; усиление позиций транснациональных компаний. В рамках ведущих полюсов развития стратегическим детерминантом будет: для североамериканского (атлантического) и европейского полюсов – развитие мировых кластеров высокотехнологичной продукции, услуг и финансовых институтов; для восточного полюса – кластер «сборочной площадки мировой фабрики». Африканскому региону и Латинской Америке уготована роль потребителей технологичной продукции трех полюсов и поставщика различных ресурсов (в т.ч. людских).

На глобальном и макрорегиональном уровнях стратегия мирового развития в ближайшие 20–30 лет будет зависеть от взаимодействия трех полюсов экономического и технологического развития – атлантического (североамериканского), европейского и восточного (азиатско-тихоокеанского). На сегодняшний день в мировом ВВП доля этих полюсов выглядит следующим образом: атлантический (североамериканский) – 21,0%, европейский – 20,0%, восточный – 19,5%. При этом доля восточного полюса постоянно растет. В то же самое время на периферии процессов оказались крупнейшие макрорегионы – это отстающая в развитии Африка и Латинская Америка, а также «новая мировая периферия» депрессивного типа – пространство бывшего Советского Союза.

Основные мировые полюсы высшего образования соответствуют полюсам экономического и технологического развития. Образовательные полюсы не однородны, они отличаются по качественному и количественному составу вузов, который отражает международные рейтинги. К наиболее значимым мировым рейтингам сегодня относят четыре: Шанхайский (Академический, Academic Ranking of World Universities), QS-THES, Webometrics и Тайваньский. Все представленные рейтинги позволяют оценить уровень национального образования относительно аналогичных показателей других стран. Ранжирование высших учебных заведений определяет их статус и влияет на экономическое состояние вуза и роль образовательного полюса. Так, в учреждениях США обучение по специальности магистра делового администрирования (МВА) в первых 25 университетах может стоить 30–35 тыс. долл., с уменьшением рейтинга – значительно ниже. Например, в провинциальном английском университете та же программа обойдется в 9–10 тыс. долл. (Шереги и др., 2003). Однако в первом случае шансов устроиться на высокооплачиваемую работу значительно больше.

Шанхайский рейтинг (Academic Ranking of World Universities) учитывает американский (Americas), европейский (Europe), азиатский (Asia), Океании (Oceania) и африканский (Africa's) регионы (полюсы). Если в общем количестве вузов лидерство 2010 г. сохраняется за европейским полюсом, то в качественном отношении преимущество на стороне американского: в первых 100 вузах лидирует американский полюс, с 201 по 500 – европейский. В 2012 г. по сравнению с 2010 г. существенно прибавил азиатский полюс. Данные тенденции сказываются на многих процессах, например на стоимости

обучения. Год обучения в вузе США в среднем стоит 15–25 тыс. долл., в Англии 12–20 тыс. долл., Австралии и Канаде 8–10 тыс. долл. С 2010 г. только в Московском государственном и Санкт-Петербургском государственном университетах плата за обучение составила 10 тыс. долл. США. Придав рейтингу вузов мира весовое значение («Топ 100» – 5 баллов, «Топ 101-200» – 4 балла, «Топ 201-300» – 3 балла, «Топ 301-400» – 2 балла, «Топ 401-500» – 1 балл), мы получили образовательные потенциалы полюсов и стран, а также их территориальные различия. Образовательный потенциал определяется путем умножения соответствующих величин баллов вузов по значимости (рангу) на их количество и суммирования полученных произведений по территориальным единицам:

$$P = \sum_{i=1}^n RiM, \text{ где}$$

P – образовательный потенциал; i – группа вузов ($i = 1, 2, 3, \dots, n$); Ri – ранг вуза (5, 4, 3 ..., n балла); M – фактическое количество i -ой группы вузов в пределах территориальной единицы.

Образовательный потенциал американского полюса составил 626 баллов, или 41,7% от мирового, европейского – 589 баллов, или 39,3%, азиатского – 212 баллов, или 14,1%, Океании – 66, или 4,4%, африканского – 7, или 0,5% от мирового. При этом в каждом мировом образовательном полюсе выделяются пары стран, являющиеся региональными лидерами (рис. 3). Так, в американском полюсе – это США и Канада – первое и пятое место в мировом рейтинге (40,1% мирового потенциала); в европейском полюсе – Великобритания и Германия, второе и третье места в мировом рейтинге (15,9% мирового потенциала), в азиатском – Китай и Япония, четвертое и седьмое место в мировом рейтинге (8,6% мирового потенциала). На картосхеме видно зарождение новых полюсов: южно-американского (Бразилия-Аргентина-Мексика, 1,5% мирового потенциала), и южно-тихоокеанского/Океании (Австралия и Новая Зеландия, 4,4% мирового потенциала).

Неравенство между национальными системами высшего образования в мире не уменьшается: возрастает напряженность отношений между университетами мирового класса и периферийными. Университетам из бедных стран практически невозможно попасть в элиту, используя только национальный потенциал. Поэтому в мире формируется более десяти региональных политико-экономических образований, часть из которых в долгосрочном прогнозе может заявить о себе сначала на региональном, а потом и на мировом уровне.

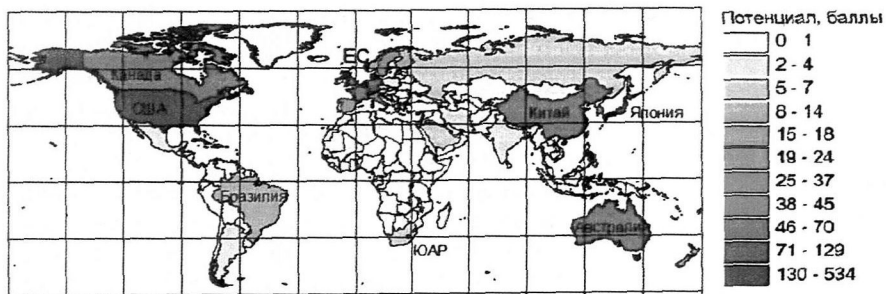

Рис. 3. Ключевые глобальные и региональные игроки мирового профессионального образования

Как видно, процессы симметрии в развитии высшего образования в условиях глобализации проявляются, с одной стороны, в существовании общемировых тенденций во всех сторонах жизни человечества – интернационализации, интеграции и регионализации. С другой стороны, в этих процессах странам и регионам с различным уровнем социально-экономического развития уготована роль «ведущих» и «ведомых», что объясняется факторами формирования трансграничных моделей высшего образования. Поэтому их позиционирование в мировом образовании и соответственно их перспективы развития есть одна из проблем частной асимметрии мирового хозяйства.

3. Региональная стратегия развития научно-образовательных систем Российской Федерации должна включать трансграничную составляющую, развивающуюся по трем векторам направлений: европейскому, азиатскому и странам СНГ. Больше внимание необходимо уделить азиатскому вектору.

Особенностью геополитического положения современной России является многовекторность, что отражается на ее глобальной стратегии. В нем присутствует несколько векторов взаимоотношений – европейский, азиатский и постсоветский, что предопределяет развитие модели «Россия, как евразийский мост глобальной экономики» (Вардомский, 2009).

Основной европейского вектора российской политики являются историко-географические особенности развития государства. Современную основу составляет ряд правовых документов: «О партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией» (1997); «Концепции общего экономического пространства» (2003); «Дорожные карты» (2005); проект ЕС «Широкая Европа – новое соседство». Данные документы определяют основные ориентиры экономического и гуманитарного сотрудничества России и ЕС. В последние годы оно вылилось в укрепление торгово-экономических связей, доля ЕС во внешней торговле России в докризисный период 2006 г. составляла 52,7%, на нее же приходилось 80% всех иностранных инвестиций. К европейской зоне интеграции тяготеют регионы ЦФО, СЗФО, ЮФО, СКФО, ПФО, УФО, поэтому

наиболее реальные инструменты взаимодействия ЕС и России просматриваются в основном на этих пространствах нашей страны, что подтверждают конкретные проекты. К механизмам такого сотрудничества чаще всего относят так называемые «еврорегионы», на базе которых осуществляются проекты взаимодействия в области культуры, здравоохранения, науки и образования на уровне полномочий регионов РФ в приграничном сотрудничестве. В процессе создания четырех общих пространств (экономики; свободы безопасности и правосудия; научных исследований, образования и культуры; внешней безопасности) третьему направлению взаимодействия России и ЕС уделяется одно из первостепенных значений.

Формой проявления европейского вектора в образовании является Болонский и Копенгагенский процессы, к которым Россия присоединилась и реализует их основные принципы; а также ряд моделей, осуществляемых в рамках программы Россия–ЕС: программа «Эразмус Мундус» (Erasmus Mundus); программы Темпус (Tempus); проект «Еврофакультет»; программы европейских неправительственных организаций: DAAD (Германия), BS (Великобритания), EduFrance (Франция). Со стороны России в области образования ведется сотрудничество на паритетных основах в рамках организации Экономического сотрудничества и развития (ОСЭР), Организации объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры, Европейского союза. Среди значимых трансграничных механизмов развития высшего образования России следующие: стипендия Президента РФ для обучения за рубежом; проекты Фонда «Русский мир»; конкурсы совместных исследовательских проектов групп российско-европейских ученых; проект привлечения ведущих ученых мира; присоединение к Болонским и Копенгагенским соглашениям, европейской системе обеспечения качества образования и т.д.

В целом, анализ практики сотрудничества в сфере образования России и ЕС показал, что в данном взаимодействии все намеченные соглашения находят свою реализацию в конкретных проектах. В ключевом для ЕС и России вопросе мобильности студентов и преподавателей наметился существенный прогресс. Общее количество студентов дальнего зарубежья с 2004–05 по 2008–09 гг. выросло с 30 тыс. чел. до 40 тыс. При этом на страны ЕС приходится в среднем 60% россиян, обучающихся за рубежом. Количество же студентов из ЕС в России в три раза меньше, но и здесь есть положительная динамика. Удельный вес студентов из стран Восточной Европы составил в 2004–05 гг. 2,8%, Северной Европы – 1,0%, Западной Европы – 4,1%; а в 2008–09 студенты из восточно-европейских и балканских стран составили 3,0%, из стран Западной и Северной Европы – 5,2%. Общее количество студентов из стран ЕС выросло в 1,4 раза, с 6,5 тыс. до 8,9 тыс. чел. Среди европейских стран российских студентов принимали в 2004–05 гг. прежде всего Германия (11,5 тыс. в 2004 г., 12,0 тыс. в 2007 г.) и Великобритания (1,9 тыс. в 2004, 2,6 тыс. в 2007). Таким образом, во взаимоотношениях Европейского полюса образования и России

наша страна остается «ведомой», о паритетных взаимоотношениях речь пока не идет. Доход ЕС в 2008–09 г. от экспорта образовательных услуг России составил 250–300 млн долл., при средней стоимости обучения 10 тыс. долл. в год. А с учетом проживания и использования благ европейской инфраструктуры – 500–700 млн долл. При стоимости обучения в европейской части России в 2–3 тыс. долл. наша страна заработала от пребывания студентов из ЕС около 23,0–27,0 млн долл. от обучения и примерно 20–25 млн долл. от проживания. В этих пропорциях нет ничего удивительного. В ЕС более 200 университетов из почти 20 стран в 2010–12 г. входили в «TOP 500» лучших, по версии «Academic Ranking of World Universities – 2010/12» вузов планеты, а в России – только два.

Азиатско-тихоокеанский вектор сотрудничества России – один из динамичных и развивающихся. Экономической и политической основой взаимодействия являются региональные организации АТЭС и АСЕАН, с которыми сотрудничает Россия. Пока каких-либо «дорожных карт», по примеру ЕС, между Россией и странами Азии или меньшей ее части – Северо-Восточной Азии, нет. Только перед саммитом АТЭС 2012 года во Владивостоке стали обсуждать формирование единого образовательного пространства в рамках данного региона на базе Ассоциации тихоокеанских университетов (APRU, Association of Pacific Rim Universities), которая объединяет 42 ведущих исследовательских университета из 16 стран АТР и Ассоциации вузов Дальнего Востока и Сибири и северо-восточных регионов КНР (Association of Universities of the Far East and Siberia and north-eastern regions of China). Сегодня взаимодействие по вопросам образования осуществляется на двухсторонней основе. В российских вузах обучалось в 2008–09 гг. около 41,2 тыс. иностранных студентов и слушателей из дальнего зарубежья, 60% которых из Азии. По сравнению с 2004–05 гг. их общее количество выросло почти на 10 тыс. чел. Наибольший удельный вес студентов, обучающихся в России, связан с теми странами, с которыми у России совместные коммерческие интересы или они являются потребителями российских технологий. Прежде всего – это Китай, Индия, Вьетнам.

Остановимся на российско-китайских взаимодействиях на рынке образовательных услуг. Мы разделяем современные отношения на два периода – до 2008 г. и после. Китай во многом обязан становлением системы высшего образования СССР. Однако за последние 20 лет позиции России и Китая диаметрально изменились. Наша страна из лидеров социально-экономического развития превратилась в страну с «догоняющей экономикой» четвертого уровня, по М. Г. Делягину (2003); а соседний Китай – это растущий экономический и политический полюс мира (9,3% ВВП мира в 2011 г.). До середины первого десятилетия XXI в. на рынке образовательных услуг соотношение студентов, обучающихся в России и Китае, было в пользу нашей страны: 12,4 тыс. чел. на 1,9 тыс. чел., соответственно 6,5/1,0. Однако уже в 2008–09 г. студентов Китая в России и России в Китае стало 17,3 и 8,9 тыс. чел., соответственно соотношение стало снижаться – 2/1. Доход, получаемый от

обучения и проживания российских студентов в Китае, оценивался в 2007–08 гг. в сумму 11,5 млн долл., а китайских студентов в России в 40 млн долл. Китай проигрывал на рынке образовательных услуг и оказывался в роли «ведомого».

С 2008 г. в КНР реализуется курс на развитие экспортной модели высшего образования. Страна должна выйти к 2020 г. на 500 тыс. иностранных студентов, аспирантов и стажеров (Россия на 150 тыс.). Для этого в Китае реализуется концепция экспорта образовательных услуг, сформирована единая база учета иностранных студентов, дано право вузам самостоятельно выходить на мировой образовательный рынок. Это привело к расширению географии китайских вузов, обучающихся иностранцев. Расширяются механизмы выделения специальных стипендий КНР для обучения иностранцев. Так, на Россию было выделено в 2008 г. 614 стипендий (4,5% от всех). География обучения россиян широка, но в основном, это прилегающие к территории России провинции Северо-Востока Китая (Хейлуцзян, Ляонин) и г. Пекин. Можно говорить о том, что здесь создается особая инфраструктура для россиян. Ряд приграничных вузов Китая получил в соответствии с этим особый статус. Это происходит в соответствии с политикой формирования северного пояса открытости вдоль границ России и Монголии. Не надо забывать, что территории Забайкалья и Дальнего Востока – это зоны влияния Китая как мировой державы. Уже сейчас около 50% студентов из России приходится на жителей Восточной Сибири и Дальнего Востока. Конкурентными преимуществами китайских университетов россияне считают стоимость обучения (93,8% обучающихся россиян – среднего уровня доходов), которая была в среднем по стране в 2006–07 гг. 2,0 тыс. долл, в т.ч. в вузах Пекина и Шанхая до 3,0 тыс.. Это значительно ниже, чем в аналогичных вузах Москвы и Санкт-Петербурга (10 тыс. долл. с 2010 г.). Во-вторых, доступность «ТОР 500» лучших вузов мира со стороны Китая для жителей Восточной зоны страны значительно лучше. Из 32 университетов КНР, находящихся в «ТОР 500», пять/семь находятся в зоне непосредственного влияния на российское приграничье.

Китай в рамках своей глобальной стратегии развития экспорта образовательных услуг реализует с 2008 г. политику гуманитарного продвижения в Россию. Частью этой политики являются Институты Конфуция (в 18 городах России), русскоязычные китайские телевизионный и радиоканалы, русскоязычные порталы, центры стратегического изучения России (40), совместные научные проекты и др. Количество вузов России, обучающихся китайскому языку, составляет около 130 в 29 городах. Китайский язык изучают около 10000 студентов. Россия пытается адекватно отвечать: в 2010 г. в КНР появился русскоязычный телевизионный канал; центры «Русский мир» – 6. В 2009 г. русский язык изучали как специальность в 61 вузе (в 1999 г. в 31) 6,5 тыс. студентов КНР, а как иностранный язык – в 100 китайских вузах 40 тыс. чел.

Общий вывод таков, КНР на востоке нашей страны в области высшего образования ведет наступательную образовательную политику в отношении России, и сегодня российское образовательное сообщество оказалось неготовым повернуть эти процессы в выгодное для себя русло. Россия после 2008 г. находится в положении «ведомого» во взаимоотношениях с КНР. Это происходит и в странах Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки. Если по удельному весу студентов этих регионов в вузах России пока все стабильно, то динамика процессов настораживает. Китай – наш главный конкурент в этих регионах. Количество представителей Африки в китайских вузах с 2006–07 г. выросла с 3,2 тыс. до 8,9 тыс. чел. (в 2,75 раза).

У России есть ряд важных преимуществ, которые могут исправить ситуацию. Во-первых, наша система профессионального образования достаточно хорошо знакома лидерам Китая, Вьетнама и Монголии. Ее модель позволила в 1950–70-е гг. успешно провести индустриализацию национальной экономики этих стран. Советский Союз был крупным экспортером образовательных услуг через филиалы и университеты, созданные за рубежом. Во-вторых, в России на востоке страны созданы еще в советское время мощные научно-образовательные кластеры Сибирского и Дальневосточного отделений РАН с другими академиями и вузами, которых нет в сопредельных территориях (Монголии, Северного и Западного Китая, Северной Кореи). Необходимо иметь в виду, что интерес к нашим аспирантурам и докторантурам в Китае достаточно высок. В-третьих, высшее образование России продолжает развиваться в соответствии с мировыми трендами на Болонский процесс, что является и стратегией стран АТР. В-четвертых, высшее образование в России обладает европейским качеством при неизменно низких ценах. В-пятых, интерес стран Северо-Востока Азии (Китая и Монголии) к нам может возрасти с целью повышения удельного веса населения с высшим образованием в условиях перехода данных стран к постиндустриальной экономике. Многочисленность населения и недостаточность развития собственной высшей школы отодвигает реализацию этих планов на неопределенный срок.

Наиболее перспективным вектором экспорта российского образования могут стать страны СНГ. Из всех иностранных студентов в 2000–01 гг. (59,7 тыс. чел.) на страны СНГ приходилось 57,6%. Среди основных потребителей услуг в области образования такие страны, как Казахстан, Украина и Белоруссия. В 2008–09 гг. на страны СНГ приходилось 47,5%. Однако в количественном отношении это уже на 40,0 тыс. человек больше. По данным Минобрнауки РФ, в 2011 г. за счет квот в нашей стране обучалось 20 тыс. студентов из стран СНГ, при общей их численности в России 70 тыс. чел. Среди всех стран СНГ явным лидером потребления услуг в области образования являются Казахстан и Белоруссия. При этом у лиц, ориентированных далее на Россию, пользуется спросом заочная и дистанционная форма обучения в российских вузах. Таким образом, Россия на экспорте образования в страны СНГ заработала, с учетом проживания студентов, в 2008–09 г. около 150 млн долл., что сопоставимо с азиатским

вектором. Однако в этом регионе все сильнее оказывают влияние образовательные системы атлантического, европейского и азиатско-тихоокеанского полюсов: в 2004 г. в США прибыло из Казахстана 1,6 тыс. студ., Киргизстана – 0,5 тыс., Таджикистана – 0,2 тыс., Туркмении – 0,3 тыс., Узбекистана – 0,9 тыс., в 2008–09 гг. из Казахстана – 1,7 тыс., Узбекистана – 0,7 тыс., Таджикистана – 0,3 чел. По сравнению с 2004–05 гг. количество студентов из Центральной Азии в вузах США в 2008–09 г. увеличилось с 1,3 тыс. до 3,2 тыс. чел. Россия в странах СНГ пока теряет свои позиции.

Из других инструментов Россия для продвижения экспорта образовательных услуг в страны СНГ использует следующие. Во-первых, это открытие филиалов своих вузов. Начиная с 2000 г. в странах СНГ по межгосударственным соглашениям было открыто почти 70 филиалов государственных и негосударственных вузов, из которых к 2008 г. было аккредитовано 17. Среди аккредитованных филиалов за рубежом имеется единственный не принадлежащий структурам СНГ филиал в Монголии. Распространение филиальной сети на 95% привязано к республикам бывшего СССР. Во-вторых, это проект консорциума «Сетевой открытый университет СНГ», который был инициирован Российским университетом дружбы народов (РУДН) в 2008 г. В данном проекте участвуют 27 университетов из девяти стран СНГ: Армении, Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, России, Таджикистана и Украины. Это проект Международного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ. Его цель – разработка и внедрение аналога программы «Эразмус Мундус» в рамках единого образовательного пространства государств-участников СНГ. В-третьих, проект государств Шанхайского соглашения (ШОС) – Университет Шанхайской организации сотрудничества (УШОС). В его основе – региональная организация сотрудничества, основанная в 2001 г. Россией, Китаем, Казахстаном, Таджикистаном, Киргизией и Узбекистаном. Потенциал организации составляет 1,5 млрд чел., 12–15% ВВП планеты. Конечная цель: УШОС – «центр роста качества образовательных услуг, экспериментальный полигон для отработки инновационных подходов по подготовке кадров, востребованных работодателями на пространстве ШОС».

Таким образом, при благоприятной конъюнктуре страны СНГ могли бы образовать евразийский полюс высшего профессионального образования с населением почти 250 млн чел. Его основой должны служить начавшиеся социально-политические процессы на постсоветском пространстве: создание ЕврАзЭС (Евразийского экономического сообщества) России, Белоруссии, Казахстана и Туркменистана; Таможенного союза (России, Белоруссии и Казахстана), Единого экономического пространства (России, Белоруссии и Казахстана). Основой образовательной политики полюса может стать Болонский процесс – Россия и Казахстан подписанты европейских соглашений, Белоруссия на пути к ним.

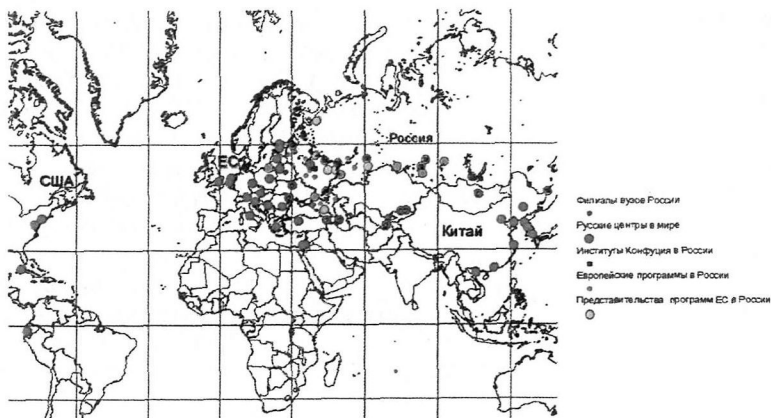

Рис. 4. Территориальные элементы моделей образовательных пространств: соседской/взаимной экспансии – ЕС-Россия, взаимной экспансии - Россия-Китай; односторонней экспансии – Россия – СНГ.

В целом, реализация трансграничной стратегии евразийского государства для России определяет ключевые модели развития направлений (рис. 4). В разных моделях Россия несет в себе «ведущую» и «ведомую» функцию. Динамика, изменение функций в постсоветский период неоднозначна. Она свидетельствует о недостаточно продуманной территориальной стратегии развития научно-образовательных учреждений в Сибири и на Дальнем Востоке.

4. Существующая территориальная организация систем высшего профессионального образования России, Китая и Монголии создавалась в результате трансграничного влияния, отражает социально-экономическое развитие государств различных периодов, обладает признаками симметрии и асимметрии стратегий развития образовательного пространства в постсоветский период.

На системы высшего образования России, КНР и Монголии оказали влияние различные исторические процессы. Модель высшего профессионального образования России создана по европейскому (немецкому) образцу. Ее краеугольным камнем является классический университет, осуществляющий неразрывно научную и образовательную функцию и определяющий политику в рамках образовательного округа. В советский период в связи с задачами ускоренной индустриализации структура профессионального образования была преобразована в классические и многочисленные отраслевые университеты. Одновременно произошло разделение функций, образовательная осталась за высшими учебными заведениями, а научная большей частью за учреждениями академии наук и отраслевыми научно-исследовательскими институтами и лабораториями. Те же процессы происходили в Китае и Монголии. До 1945 г. на высшую школу Китая влияние оказывали системы образования разных стран, прежде всего

Японии и США. Впоследствии огромное значение в становлении ведущих вузов страны, как и всей экономики, сыграла помощь СССР. Отраслевая структура и функция элементов профессионального образования сложилась по образцу нашей страны. Система образования Монголии была создана практически с нуля благодаря помощи СССР и социалистических стран и по тем же принципам. Процессы подготовки специалистов рассматриваемых стран в целом соответствовали административно-плановой экономике и задачам государственного и регионального строительства периода индустриализации. Благодаря этому страны социалистического лагеря к 90-м гг. XX в. смогли преобразовать экономику из аграрного типа в индустриально-аграрный (Китай) или аграрно-индустриальный (Монголия).

Начиная с 80–90-х гг. XX в. в России, Китае и Монголии происходят социально-экономические реформы. Их цели следующие: переход к экономике нового типа; формирование нового экономического пространства после распада социалистической системы; открытие национальных экономик для внешнего рынка. При этом реформы происходят в странах с различной направленностью и степенью успеха. Для России и Монголии они вылились в тяжелые процессы деградации многих сфер деятельности, особенно промышленного и сельскохозяйственного производства. Для Китая этот период был более благоприятен, страна по размеру экономики вышла на второе место в мире и продолжает динамично развиваться. Сегодняшний этап реформ России ставит задачу перехода экономики от экспортно-сырьевого к инновационному социально ориентированному типу развития: создание конкурентоспособной экономики знаний и высоких технологий (5–10% мирового рынка новых идей, технологий и социальных инноваций, 17–20% ВВП РФ). Целью дальнейших экономических преобразований Китая определена всесторонняя модернизация. Целевым ориентиром становится первое место в мире по объему ВВП и уровню жизни среднеразвитых стран Европы. Для Монголии это период стабилизации и подъема национального хозяйства.

В области высшего образования страны проходят важнейшие изменения, связанные с общемировыми процессами интернационализации, интеграции, глобализации и регионализации в экономике и социальной сфере. Мы остановились на общем аспекте структурных и территориальных изменений: поддержка лидеров и оптимизация сети высших учебных заведений путем создания эффективно работающих научно-образовательных кластеров (табл. 1).

С середины 50-х гг. в Китае по примеру СССР 20–30 гг. XX в. небольшому количеству вузов в соответствии с приоритетами развития страны присваивается статус «базовых», или «ведущих». К 1981 г. их было 95, или 11,9% от общего количества, при этом 26 из 95 напрямую подчинялись Государственному комитету по образованию КНР. Для придания статуса вузу необходимо иметь квалифицированный педагогический состав, современное оборудование и средства обучения; развивать острodefицитные дисциплины либо находиться в приграничном районе или районах проживания национальных меньшинств. В 90-е гг. было принято два направления:

углубление реформы управления системой высшего образования и расширение масштабов учебных заведений за счет создания государственных и негосударственных вузов и колледжей – «Программа (Проект) 211», «Программа (Проект) 985».

Таблица 1

Территориально-уровневые типы научно-образовательных систем России, Китая и Монголии

Уровни	Страны/ категории вузов /количество			Задачи
	Россия	Китай	Монголии	
Центральный (Федеральный)	Ведущие классические университеты -2	«Проект 985» - 39	Объединенный комплексный вуз – 1-2	Центры глобального превосходства, 100-500 лучших университетов мира
	Национальные исследовательские университеты -29	«Проект 211» - 73		Формирование новой экономики – экономики знаний и высоких технологий, 500 лучших университетов мира
Центрально-(Федерально-) региональный	Федеральные университеты – 9-10			Формирование в стране новых центров социально-экономического развития, реализующих конкурентный потенциал территории. 500 лучших университетов мира
	Университетский округ (кластер) – 9-10 федеральных, 28 межрегиональных	4 макрорегиональных, 27 провинциальных		Решение социально-экономических задач макро- и мезорегионального уровня
Региональный	Региональные учреждения -150 государственных и около 700 негосударственных	Провинциальные вузы и колледжи – 1200 государственных и более 1000 негосударственных	Региональные объединенные комплексные вузы – 15, около 100 негосударственных	Решение социально-экономических задач мезо- и микрорегионального уровня

Составлено автором.

«Проект 211» – проект, принятый в 1995 г. Министерством образования Китая, определяющий создание «100» ведущих (ключевых) вузов страны, на которые будет в основном сосредоточено бюджетное финансирование (70%, или 2,2 млрд долл. на 1996–2000 гг.). Для реализации проекта с 1993 г. произошла оптимизация сети вузов страны. Сейчас в программе задействовано

112 университетов КНР. Большинство вузов сосредоточено в 4 городах Центрального подчинения – Пекине (27), Тяньцзине (3), Шанхае (9), Чунцине (2). Это почти 36% всех учреждений страны. В то же самое время видно, что концентрация вузов в части городов связана с особыми экономическими зонами. Последнее согласуется с идеей «Программа 863» – повышение эффективности работы высших учебных заведений в системе производство-образование-наука.

Цель «Проекта 985» вывести на мировой уровень ведущие университеты Китая. В течение двух этапов были отобраны 39 университетов страны, которым были выделены финансовые ресурсы для достижения поставленной цели. На эти учреждения приходится 80% докторов наук, 60% аспирантов, 50% иностранных студентов, 96% лабораторий страны. Вузы должны позволить стране войти в число держав, поставляющих на мировой рынок знания и технологии. Они размещены во всех городах центрального подчинения.

Одним из механизмов реализации проекта «Образование» в России определено выявление и приоритетная поддержка вузов-лидеров, а также внедрение в массовую практику элементов новых управленческих механизмов и подходов. По всей видимости, здесь пригодился китайский опыт и забытый советский. В области профессионального образования к 2010 г. уже было реализовано направление «Инновационные программы вузов», «Федеральные университеты», «Национальные исследовательские университеты»; «Поддержка программ развития МГУ и СПбГУ», «Поддержка федеральных университетов в части модернизации научно-исследовательского процесса и инновационной деятельности», «Развитие кооперации российских вузов и производственных предприятий», «Поддержка научных проектов, реализуемых совместно ведущими вузами и ведущими научными организациями».

В 2009 г. Президент РФ подписал закон «О Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете», где вузам установлен статус «ведущих классических университетов России». Следующей категорией являются 9 федеральных университетов: Южный (Ростов-на-Дону), Сибирский (Красноярск), Северный (Арктический, Архангельск), Казанский (Приволжский, Казань), Уральский (Екатеринбург), Дальневосточный (Владивосток), Северо-Восточный (Якутск), Балтийский (Калининград), Северо-Кавказский (Ставрополь). Университеты были созданы в четыре этапа: в 2007 г. в Южном и Сибирском федеральных округах; в 2009 г. в Северо-Западном, Приволжском, Уральском и Дальневосточном; в 2010 г. в Северо-Западном, в 2011 в Северо-Кавказском. Университеты создавались по региональному и геополитическому принципам. Целью создания является развитие системы высшего профессионального образования на основе оптимизации региональных образовательных структур и укрепления связей образовательных учреждений высшего образования с экономической и социальной сферой федеральных округов. Кроме этого, федеральные университеты должны занять достойное место среди 100–500 лучших вузов мира.

Правительство РФ в 2008–09 гг. реализовало проект создания «Национальных исследовательских университетов». Победителями конкурса в течение нескольких этапов стали 29 университетов из 13 городов страны. При этом концентрация финансовых ресурсов образования страны в Москве и Санкт-Петербурге через различные программы развития высшей профессиональной школы, по нашим расчетам, увеличилась с 25% в 1990 г. до 40% в 2008–12. Особым проектом России является проект «Сколково». Все выделенные вузы должны в рамках приоритетных направлений развития поддержать глобальные преимущества России на мировом рынке товаров, работ, услуг и технологий – быть центрами глобальной компетенции.

В Монголии за последние 20 лет расширилась сеть высших учебных заведений за счет филиалов ведущих вузов страны, созданных на базе учреждений среднего профессионального образования (колледжей). Они появились в крупных аймачных центрах, что привело к децентрализации высшей школы. Сейчас Монголия приступает к дальнейшей модернизации структуры и территориальной организации высшего образования. Решение данной проблемы правительством страны видится следующим путем – создание научно-исследовательского университета мирового уровня путем укрупнения вузов. Предлагается создать один мощный государственный университет, объединив для этого материально-технические ресурсы всех государственных вузов страны, тем более, что почти все они когда-то входили в состав одного учреждения. Для объединенного вуза задачей станет подготовка специалистов высокого уровня и вхождение в элиту учебных заведений мира («ТОР-500»).

Во всех странах региона за последние 20–30 лет резко выросло количество высших учебных заведений, многие из вузов поменяли свой первоначальный профиль, появились новые университеты – лидеры и аутсайдеры, значительно выросла нагрузка стран по финансированию профессионального образования. В то же время в ведущих государствах мира высшее образование превратилось в доходную отрасль экономики. Все это потребовало изменений и реформ, направленных на решение системных проблем образования во всех странах. Одним из решений является оптимизация сети высших учебных заведений и ставка на лидеров. Под влиянием этих процессов, отраслевая модель высшего профессионального образования, оставшаяся в наследство от СССР, сейчас меняется и во всех странах будет выглядеть следующим образом: три уровня – центральный (федеральный), центрально-(федерально)-региональный и региональный – с соответствующими целями и задачами. Фактически исчезает понятие классических университетов и отраслевых вузов. Университеты становятся комплексными, но с кругом задач разного уровня. Это делается с целью концентрации материально-технических и научно-преподавательских ресурсов на прорывных направлениях. Распределение учреждений высшей школы по территории стран согласуется со схемами пространственного развития, в основе которых принцип поляризованной (или «сфокусированной») поддержки регионов-

доноров в российской интерпретации. Во всех странах обсуждаются вопросы в области территориального планирования: устранение территориального дисбаланса размещения вузов по территории стран, планирование масштабов, качества и структуры образования; управленческая и финансовая реформа высшей школы; опыт работы в условиях ВТО.

5. Территориальная организация научно-образовательных систем Байкальского региона должна формироваться на инструментах кластерного подхода, с учетом трансграничных факторов и широкого использования сетевых технологических процессов как важнейших современных факторов конкурентных преимуществ.

Эксперты Всемирного банка считают, что наилучший положительный результат влияния университетов на территорию достигается при максимально возможной интеграции вуза в региональные стратегии развития. Для этого в России поставлена задача преобразования университетских образовательных округов в научно-образовательные кластеры (Волков и др., 2008). Через такие формы должна произойти эффективная интеграция всех интеллектуальных сил региона на благо науки, образования и экономики территории (рис.5). Последнее предполагает повышение ответственности региональных властей за кадровую политику, смену централизованной системы управления высшей школы страны на смешанную – федерально-региональную.

Байкальский регион определен одной из опорных территорий России (Гранберг и др., 2003). Поэтому мы рассматриваем территориальную модель кластера в рамках границ трех субъектов федерации: Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края. По нашему мнению, разрабатываемая наиболее эффективная региональная научно-образовательная модель кластера высшей профессиональной школы региона должна предусматривать стратегические функциональные и отраслевые векторы развития на трех уровнях – макро-, мезо- и микро.

Макроуровень модели кластера должен отвечать на вызовы мировых факторов развития образовательных систем, способствовать эффективному включению региона в международное разделение труда, реализацию трансграничной доминанты приграничного положения. Мезоуровень должен определять роль и место образовательной системы Байкальского региона в осуществлении инновационного сценария развития Сибирского федерального округа и России. Микроуровень должен определять положение образовательных систем субъектов федерации в едином образовательном пространстве Байкальского региона, социально-экономическом развитии территориальных кластеров, входящих в его состав. На мезо-и микроуровнях мы должны полнее реализовать ключевые идеи моделей «тройной спирали» Г. Ицковица (2010) и конкурентных преимуществ М. Портера (1993) в системе производство-образование-наука-инновации/наука-бизнес-государство.

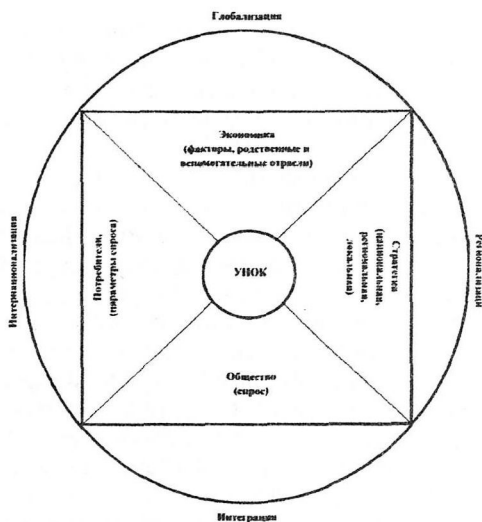

Рис. 5. Стратегия формирования университетского научно-образовательного кластера

Главной задачей микроуровня научно-образовательного кластера является удовлетворение потребностей региона в кадрах, модель должна выстроить четкую взаимосвязь между экономикой в лице правительств субъектов (работодателей) и учреждениями образования. Их связь позволит гораздо яснее прогнозировать потребности экономики в специалистах разного уровня и формировать государственный целевой заказ. Конкретная реализация микроуровня в субъектах региона будет отличаться. Нами рассмотрена модель территориальной организации научно-образовательной системы на примере Забайкальского края.

Основы формирования общего образовательного пространства Байкальского региона изложены в статье Б. М. Ишмуратова и др. (2006). Они должны стать ключевыми при организации мезоуровня образовательной системы. Для нашего региона наиболее эффективно работала бы схема создания на его базе Федерального университета, структура которого бы стала отражением целостности территории. Это оправдано ресурсной, геологической, этнокультурной и геополитической значимостью региона для России. Ведь, по мнению П.Я. Бакланова и С.С. Ганзея «в качестве трансграничных могут рассматриваться и целостные территории, находящиеся между отдельными соседними субъектами государства» (2008, 2010). По нашему мнению их эффективное взаимодействие в рамках единого геопространства есть основной фактор повышения экономической конкурентоспособности на национальном и международном уровне.

Особенностью развития изученного нами научно-образовательного пространства мезоуровня является тесная взаимосвязь практически всех учреждений высшего образования и науки в пределах Байкальского региона.

По данным Россобнадзора РФ на 2013 г. высшее профессиональное образование региона представлено классическими университетами и отраслевыми вузами различной формы собственности - 75 (65 аккредитованных), среди которых государственных 56, негосударственных 19, головных 23 и филиалов 52. Их отраслевой состав отвечал специализации региона в советский период.

Несмотря на наличие трех крупных административных единиц, территориальная структура образовательного пространства высшего образования делится на две сопоставимые части – Прибайкалье (Иркутская область) и Забайкалье (Республика Бурятия и Забайкальский край). Их соотношение по количеству государственных вузов и филиалов – 33/23; негосударственных вузов и филиалов – 7/12. Иркутская область имеет более зрелую отраслевую структуру высших учебных заведений. Если сравнить отраслевую принадлежность вузов и филиалов со структурой валового регионального продукта, то мы увидим более или менее ясную картину зависимости ее от экономики.

На развитие специальностей в высших учебных заведениях мощное влияние оказывала научная среда региона, которая формировалась через присутствие на территории учреждений Академии наук России и отраслевых академий. Байкальский регион входит в орбиту деятельности Сибирского отделения РАН. На территории Иркутской области и Республики Бурятия находятся одноименные научные центры. В Чите нет крупного научного центра, здесь располагаются отдельные институты СО РАН и Министерства сельского хозяйства. По данным сайта Росстата «Всероссийская перепись населения 2010» кадровый потенциал региона составлял 1771 докторов и 10934 кандидатов наук или 1,4/1,8% от показателей России, в т.ч. в Иркутской области – 1144 и 6429, в Республике Бурятия – 390 и 2905, в Забайкальском крае – 227 и 1600 соответственно. Около 50% из них работают в вузах и учреждениях науки. На территории действует 187 аспирантур и 35 докторантур, 75 Советов по защите докторских и кандидатских диссертаций. Вузы совместно с учреждениями академий наук определяют развитие 300 научных направлений в т.ч. около 80 СО РАН.

Среди восьми приоритетных направлений развития науки, техники и технологии Российской Федерации в Байкальском регионе получили развитие более всего «Рациональное природопользование» (28,2%), «Живые системы» (26,3%), «Индустрия наносистем и материалов» (13,4%).

Из тринадцати научно-образовательных центров региона три на базе столиц субъектов федерации, средоформирующие – Иркутск (P=21,5), Улан-Удэ (11,0) и Чита (6,0). Остальные находятся на периферии и в основном являются временными, образованными филиальной сетью. Исключением служат города Братск (1,5) и Ангарск (1,25) в Иркутской области, где развиваются фактически корпоративные университеты энергетической, алюминиевой и нефтехимической промышленности. Согласно программным документам Российской Федерации, до 2020 г. в Байкальском регионе

приоритет отдан развитию Иркутского и Восточно-Сибирского научно-образовательных комплексов (кластеров), под них создается соответствующая инновационная инфраструктура. Совершенно без ясных перспектив остался Забайкальский край.

Периферийность развития вузов Байкальского региона относительно ведущих европейских учебных заведений страны, без их интеграции между собой и в азиатском направлении будет только усиливаться. Поэтому необходимо создавать сетевой Байкальский университет на фундаменте ведущих научно-образовательных направлений вузов и учреждений академий наук. Его структура может охватывать магистерский (кандидатский) и докторский уровни. Это, пользуясь языком «Концепции создания и государственной поддержки развития федеральных университетов», должен быть «интегрированный инновационный научно-образовательный комплекс, профиль которого определяется совокупностью структурных подразделений, осуществляющих подготовку кадров и проведение исследований для важнейших кластеров в рамках программ социально-экономического развития территорий, в федеральных округах». В начале работы такого межрегионального университетского кластера в него могли бы войти ведущие направления вузов, имеющие законченный цикл подготовки на уровне магистратуры (аспирантуры) и докторантуры. Для вузов Байкальского региона это всего около 16 направлений: в Иркутской области 12, Республике Бурятия 10, Забайкальском крае 7. С учетом дублирования ведущих направлений в разных вузах это не более 40–50 отдельных научно-образовательных школ. Для осуществления проекта необходимо создание координационного органа, штаб-квартира которого должна находиться в городе Иркутске, с региональными офисами в других субъектах федерации, что соответствует сегодняшнему потенциалу центров. При этом предложенная модель имеет достаточно гибкую структуру. Она позволяет вузам субъектов кооперировать научные, образовательные и материальные ресурсы на прорывных направлениях и преодолеть существующую замкнутость науки и образования в пределах одной школы внутри региона. Финансирование таких научно-образовательных групп должно осуществляться на федерально-региональном уровне на принципах программно-целевого подхода с учетом задач социально-экономического развития субъектов и территорий в пределах Байкальского региона.

Макроуровень образовательного пространства региона должен быть основан на концепции международных трансграничных территорий (геопространств), создаваемых на основе общности природных, внешнеполитических, экономических и гуманитарных процессов (Бакланов, Ганзей, 2008, 2010). Такой территорией может быть выделен регион Внутренней Азии, зоны приграничного контакта России, Китая и Монголии. Понятие «Внутренняя Азия» употребляется в контексте глубинных районов обширного субконтинента Центральной Азии, объединяющего внутриконтинентальные территории - ядро Азии. Помимо природных характеристик, объединяющих регион, включаются в понятие Внутренней Азии

и геокультурные параметры, составляющие вместе с природными межцивилизационный континуум (Обручев, 1951; Гомбоев, 2006).

В области образования концепция международной трансграничной территории (геопространства) подкреплена межправительственными соглашениями, реализующими общие идеи развития мировых трендов в этой сфере. Важнейшей задачей для развития приграничного сотрудничества между странами в целом и всего профессионального образования региона является создание совместного трансграничного высшего учебного заведения. В данном случае международная трансграничность научно-образовательного пространства Байкальского региона будет выступать естественным фактором повышения конкурентоспособности в целом экономики территориального кластера на евразийском и азиатско-тихоокеанском направлениях.

Модель создания международных трансграничного университета открытого типа должна быть построена на принципах самоорганизации, примером чего является организационная форма Университета Арктики. Мы предлагаем назвать нашу модель международного научно-образовательного кластера «Университет континентальной (внутренней) Азии». Его организационная структура и принципы функционирования могут быть взяты из положительного опыта Университета Арктики. В состав могли бы войти зоны приграничного контакта России, Китая и Монголии. Ядром территории, как считает Б. О. Гомбоев, могут служить три субъекта России – Республика Бурятия, Республика Тыва и Забайкальский край, вся Монголия и две провинции КНР – Автономный район Внутренняя Монголия и Синьцзянь-Уйгурский автономный район (2006) (рис. 5). По нашему мнению, в силу специфики экономических связей в регионе, особенностей управления территорией, наличия в составе Усть-Ордынского Бурятского округа, необходимо со стороны России включить в него Иркутскую область, а со стороны Китая, возможно, и провинцию Хейлуцзян. Это так называемые зоны дальнего приграничного сотрудничества. Такой международный научно-образовательный кластер модели регионального сетевого взаимодействия должен реализовывать образовательные программы высшего профессионального, постдипломного и дополнительного профессионального образования, выполнять фундаментальные и прикладные научные исследования, что обеспечит трансферт образования и знаний о регионе Внутренняя Азия в логике «образование-исследования-проекты-инновации».

Задачами научно-образовательного кластера могли бы стать: подготовка кадров на основе инновационных образовательных программ профессионального образования (особенно магистратуры и докторантуры) в условиях трансграничного региона Внутренней Азии; формирование общих знаний, связанных с регионом Внутренняя Азия; углубление международных связей в рамках приоритетных направлений международного сотрудничества России-КНР-Монголии; структурирование единого образовательного пространства региона; распространение знаний о регионе Внутренняя Азия; циркуляция кадров в регионе Внутренняя Азия. Стартовым активом сетевого

взаимодействия в рамках образовательных и научных программ могут стать такие тематические сети, как образование, туризм, восточная медицина, энергетика, искусство и ремесла, управление природными ресурсами, охрана окружающей природной среды, традиционное природопользование, региональная экономика, приграничное сотрудничество, устойчивое развитие региона.

Рис. 6. Модель научно-образовательного регионального кластера открытого университета Внутренней (Континентальной) Азии.

Географическое положение субконтинента Внутренняя Азия (по Гомбоеву, 2006).

«Ядро»

Россия: 2 – Республика Тыва; 3 – Республика Бурятия; 4 – Забайкальский край.

Монголия.

КНР: 5 – Синцзян-Уйгурский автономный район;

6 – Автономный район Внутренняя Монголия.

«Зона влияния»

Россия: 1 – Иркутская область.

КНР: 7 – Провинция Хейлунцзян

Естественными узлами создаваемого научно-образовательного кластера могут стать университеты и учреждения науки, имеющие определенный статус на национальном уровне. В России это, прежде всего, НИУ Иркутского государственного технического университета и международная бизнес-школа на базе Иркутского государственного университета, другие университетские комплексы (Иркутский, Забайкальский, Тывинский, Восточно-Сибирский). В Китае к ним необходимо отнести ведущие вузы севера и запада страны – Харбинский инженерно-технический университет, Северо-Восточный университет лесного хозяйства (провинция Хейлунцзян), Университет Внутренней Монголии (провинция Внутренняя Монголия), Синцзянский университет, Синцзянский медицинский университет (Синцзян-Уйгурский автономный район). Они имеют богатый опыт сотрудничества с вузами России.

В Монголии к таким вузам принадлежит Монгольский государственный университет и Монгольский государственный университет науки и технологии (рис. 6). Большое значение в кластере будут иметь учреждения науки всех регионов, особенно СО РАН.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Обобщены теоретические вопросы развития общественных систем и трансграничного подхода в географических исследованиях. Показана важность применения моделирования для познания закономерностей формирования и функционирования социально-экономического пространства.

2. Выделены с экономико-географических позиций - глобальный, региональный и локальный уровень пространственно-временных моделей общественных процессов. Предложено семь моделей развития трансграничных геопространственных процессов: асимметричной, соседской, взаимной экспансии, односторонней экспансии, поглощения, сотрудничества, регионального сетевого взаимодействия. Для них характерны устойчивые центры различного уровня (полюса, ядра, точки роста), развитые сетевые взаимодействия между элементами системы и устоявшиеся границы влияния (проникновения). Модели будут эволюционировать по законам пространственной дифференциации и интеграции. Предложенные нами модели позволяют говорить о принципах классификации трансграничного геопространства, его иерархии и динамики.

3. Выявлены изменения в мировом профессиональном образовании под влиянием факторов интернационализации, интеграции, глобализации и регионализации в определенный исторический период, его территориальной дифференциации в связи с социально-экономическими условиями. Факторами, влияющими на перспективные модели высшего образования, стали: международное разделение труда; использование в обучении преимущественно английского языка; «утечка мозгов», как повышение конкурентоспособности промышленно развитых стран; образование как инструмент распространения «гибкой власти». Мощным инструментом, размывающим региональные объединения, являются транснациональные компании в сфере образования. Они формируют стандартизированные наборы услуг, образование не является исключением. Важнейшей спецификой современного высшего образования является его трансграничный характер, основанный на развитии сетевых информационных технологий. В результате этого формируются такие модели представления услуг, как «образование без границ» и «образование через всю жизнь». Вследствие массовизации и коммерциализации высшего образования в последние десятилетия возникли новые формы учебных заведений, которые были присущи только экономическим субъектам – виртуальные, франчайзинговые и корпоративные.

4. Выделены доминирующие полюсы в экспорте образования: американский (США, Канада), европейский (лидеры – Великобритания,

Германия, Франция и Италия), азиатский (Китай, Япония), океании (Австралия, Новая Зеландия). В работе прослежены основные механизмы реализации полюсами и странами стратегий экспорта образовательных услуг. В ходе исследования получены количественные показатели образовательных потенциалов полюсов и стран, а также их территориальные различия.

Особенности геополитического и экономического положения современной России предполагают многовекторность ее политики, что отражается и на сфере образования. В отношении ЕС реализуется модель формирования общеевропейского образовательного пространства (соседская); в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона – модель, основанная на двухсторонних договоренностях (взаимной экспансии); стран СНГ – модель создания евразийского полюса высшего образования (односторонней экспансии). Нашими конкурентными преимуществами в данных моделях является научность, фундаментальность и одновременно дешевизна предоставляемых услуг, а также высокий имидж советского образования.

В смежных районах России, Китая и Монголии (Внутренней Азии) система современного высшего образования, территориальная и отраслевая структура строилась во многом по советскому образцу. Ведущими в системе были классические университеты, технические и педагогические вузы. Модель хорошо зарекомендовала себя в период индустриализации и позволила выйти странам на определенный уровень развития. В последние десятилетия во всех странах предпринимаются попытки реформирования школы по англосакской модели. Здесь наибольшие успехи, как в экономике, так и в образовании принадлежат КНР; Россия и Монголия находятся в позиции догоняющих.

Отраслевая и территориальная структура высшего образования стран Внутренней Азии меняется в соответствии с задачами социально-экономического развития. Для всех государств выбран инновационный путь развития, с упором на «локомотивы роста» во всех сферах жизнедеятельности. В области инновационной политики – это формирование научно-образовательных кластеров.

5. Долгосрочная стратегия развития Российской Федерации предполагает сделать упор на территории с выделением центров-локомотивов роста. К числу опорных территорий относится Прибайкальский (Байкальский) регион в составе Иркутской области, Республика Бурятия и Забайкальский край. Роль территории в инновационной стратегии России недооценена как по набору отраслей специализации, так и по преимуществам приграничного положения. Особенностью развития изученного нами научно-образовательного пространства является тесная взаимосвязь практически всех учреждений высшего образования и науки в пределах Байкальского региона. В работе представлена модель системы научно-образовательного пространства Байкальского региона с учетом его международных, национальных и региональных приоритетов развития и кластерного подхода. Нами показано, что наиболее эффективная региональная научно-образовательная модель кластера высшей профессиональной школы региона должна предусматривать

стратегические функциональные и отраслевые векторы развития на трех уровнях – макро-, мезо- и микро. Сегодня научно-образовательный сектор является ведущей частью социально-экономического комплекса региона и, в будущем он будет определять успех планов по инновационному развитию Байкальского региона, изложенных в «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года».

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Статьи в журналах, рекомендованных ВАК

1. Особенности регионального социально-экономического развития Восточного Забайкалья в конце XX века // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. 3: География, геология. – Вып. 5. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2005. – С. 82–88.
2. Прошлое и настоящее высшего профессионального образования России (отраслевой и территориальный аспект) // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2010. – №5. – С. 70–82.
3. Высшее образование Монголии (отраслевой и территориальный аспект) // В мире научных открытий. – 2010. – №6 (3). – Красноярск: Научно-инновационный центр. – С. 191–195.
4. К вопросу симметрии и асимметрии развития образовательного пространства в странах Внутренней Азии // Перспективы науки. – Тамбов. – 2011. – №8 (23). – С. 14-21.
5. Высшее профессиональное образование Монголии в мировых стратегиях развития // Перспективы науки. – Тамбов.– 2011. – №9 (24). – С. 7-13.
6. Стратегия социально-экономического развития Байкальской территории в региональной хозяйственной системе стран Внутренней Азии // Вестник Читинского государственного университета (ЧитГУ) №10 (77). – Чита: ЧитГУ, 2011. – С.111-116.
7. Территориальная организация образования и науки Байкальского региона // Вестник Читинского государственного университета (ЧитГУ) №11 (78). – Чита: ЧитГУ, 2011. – С. 112-118.
8. Модель кластера профессионального образования Забайкальского края в социально-экономическом пространстве региона // Вестник Читинского государственного университета (ЧитГУ) №12 (79). – Чита: ЧитГУ, 2011. – С.120-126.
9. О сетевой модели организации кластера высшего профессионального образования Байкальского региона // Известия Иркутского государственного университета. Том. 4. №2. Серия «Науки о Земле». Иркутск: ИГУ, 2011. – С. 227-236.
10. О динамических состояниях региональных пространственно-временных моделей в процессах трансграничного взаимодействия // Вестник Бурятского государственного университета (БГУ) №14а.- Улан-Удэ: БГУ, 2011. – С.45-52.
11. Симметрия и асимметрия высшего образования в условиях глобализации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта №1. – Калининград: БФУ, 2012. – С. 124-132.
12. Инструменты модернизации системы профессионального образования в стратегии территориального развития России // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2012. – №1. – С. 158-169.
13. Высшее профессиональное образование России сегодня // География в

школе. – 2012. - №3. – С. 59-62 (65)

14. Высшее профессиональное образование России завтра // География в школе. – 2012. - №4. – С. 39-44.

15. О трансграничном факторе организации научно-образовательных структур в эпоху глобализации // Глобальный научный потенциал. – Тамбов. – 2012. – №6 (15).– С. 5–12.

16. Стратегия территориальной организации высшего образования Китая // География и природные ресурсы. – 2013. - №1, - С. 174-181.

17. The strategy of the territorial organization of higher education in China // Geography and Natural Resources". – Geography and Natural Resources, January 2013, Volume 34, Issue 1, pp 104-110.

2. Монографии, разделы и статьи в монографиях

1. Социально-экономические подрайоны Читинской области (карта) // Периферия бассейна озера Байкал: социально-экономические проблемы развития территории. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. (приложение) (Соавтор В. Ф. Задорожный).

2. Промышленность (карта) // Природные ресурсы, хозяйство и население Байкальского региона. Серия. карт. – Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2009. (Соавторы Н. А. Ипполитова, Л. А. Хавина, В. Н. Богданов, Д. А. Галес, Г. Г. Жамбалова, Ф. Ф. Быбин, А. В. Киселев).

3. Забайкальский край: социально-экономическая карта // География Забайкальского края: учеб. пособие. – Чита: Экспресс-издательство, 2008. (Соавторы В. Ф.Задорожный, Л. М. Фалейчик).

4. Промышленность (карта) // Атлас Забайкальского края. – Чита. 2010. С. 31. (Соавторы В. Ф. Задорожный, Ф. Ф. Быбин).

5. Симметрия и асимметрия высшего образования в условиях глобализации // Позиционирование территории Байкальского региона в условиях трансграничья. – Новосибирск: Наука, 2012. – С. 250-265.

6. Мировые, региональные и национальные стратегии развития высшего образования в странах Внутренней Азии: Россия, Китай, Монголия // Позиционирование территории Байкальского региона в условиях трансграничья. – Новосибирск: Наука, 2012. – С. 265-289.

7. «Дорожные карты» сотрудничества в образовательной политике стран Внутренней Азии: устойчивость и эффективность развития сопредельных приграничных территорий // Позиционирование территории Байкальского региона в условиях трансграничья. – Новосибирск: Наука, 2012. – С. 289-301.

8. Трансграничные научно-образовательные структуры в глобальном, национальном и региональном развитии / А. А. Томских; отв. ред. Н. М. Сысоева; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, ИПРЭК. – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2012. – 271 с.

3. Статьи в материалах конференций и сборниках научных трудов

1. Пограничное положение как фактор сдерживания экономического развития Читинской области // География на службе науки, практики и

образования: материалы VII науч.-практ. и метод. конф., посв. 100-летию Красноярского отдела РГО. Красноярск, 26-28 апреля 2001 г. – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – С. 223–224.

2. Структурные сдвиги в промышленности в период реформ // Природные ресурсы Забайкалья и проблемы природопользования: материалы науч. конф., 10-15 сентября 2001 г. – Чита: ЧИПР СО РАН, 2001. – С. 346–347.

3. Эколого-экономическая характеристика приграничных районов // Актуальные вопросы клинической медицины и сохранение здоровья пограничников: сб. науч.-практ. работ. – Чита: Поиск, 2002. – С. 26–35 (соавторы В. З. Багова, В. Ф. Задорожный, А. Т. Соловова).

4. Производственный потенциал и геополитическое положение Читинской области // Забайкалье в геополитике России / мат. межд. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003 – С. 67–69.

5. Вузы и школы: перспективы взаимодействия в период модернизации российского образования // Филологическое образование в вузе и школе: традиции и перспективы: сб. материалов регион. науч.-метод. конф. преподавателей вузов, колледжей, лицеев, гимназий и школ. – Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2003. – С. 3–6.

6. Оценка потенциала информационно-образовательной среды университета // Современные информационные технологии в образовании: материалы науч.-метод. конф. – Чита: ЗабГПУ, 2005. – 130 с.

7. Эколого-экономическая характеристика приграничных районов // Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия: материалы междунар. науч.-практ. конф. / ЗабГГПУ. – Чита, 2006. – 240 с. (соавторы В. З. Багова, В. Ф. Задорожный, А. Т. Соловова).

8. О ситуации с трудовыми ресурсами на юго-востоке Забайкалья // Географические исследования как конструктивно-информационное обеспечение региональной политики: мат. Всерос. науч. практ. конф. 19–21 ноября 2008 г. / ЗабГГПУ. – Чита, 2008. – 182 с.

9. Трудовые ресурсы Забайкалья в контексте стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года // Демографическая политика Забайкальского края: оценка и перспективы развития. – Иркутск: Изд-во БГЭП, 2010. – С. 28–35.

10. Высшее образование в условиях процессов глобализации и регионализации // Трансграничье в изменяющемся мире / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2010. – №1. – С. 255–231.

11. Сотрудничество в образовательной политике стран Внутренней Азии: устойчивость и эффективность развития сопредельных приграничных территорий // Международное сотрудничество приграничных регионов: история, экономика, политика, культура. Матер. Международ. науч.-практ. конф. Курск. 19-20 сентября 2011 г. / ред. А.В. Третьяков. – Курск: Изд-во VIP, 2011. – С. 115-118.

12. К проблеме воссоздания традиционного хозяйственного уклада коренных народов Севера: национальный и мировой опыт // Материалы

конференции «Эволюция биогеохимических систем (факторы, процессы, закономерности) и проблемы природопользования и симпозиума «Гэоэкологические, экономические и социальные проблемы природопользования». – Чита: ИПРЭК, ЗабГГПУ, 2011. - С. 152-154. (соавторы В. Ф. Задорожный).

13. Мифы и реальности российского (советского) профессионального образования (макроструктурный аспект) // Проблемы духовно-нравственного воспитания, развития, благополучия и профессионального становления человека в современном российском обществе: всеросс. науч.-практ. конф. (2011, Волгоград): материалы. – Волгоград; М.: Планета, 2011. – С. 240–246.

14. Основные понятия и геопространственные модели трансграничья // Материалы XIV совещания географов Сибири и Дальнего Востока. – Владивосток: Тихоокеанский институт географии ДВО РАН; Дальнаука, 2011. – С. 438–440.

15. О «формуле успеха» России в сотрудничестве со странами Северо-Восточной Азии // Вестник Краснодарского регионального отделения Русского географического общества. Краснодар, 2012. Вып. 6. - С. 135-139.

16. Пространственные аспекты изучения конкурентной парадигмы в географических исследованиях общественных систем // Природные, медико-географические и социально-экономические условия проживания населения в Азиатской России: мат. науч.-практ. кон. – Владивосток: Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет, Русское географическое общество; 2012. – С. 183-186.

17. Информационный потенциал в исследовании процессов позиционирования пространственных моделей // Всероссийская научная конференция «Проблемы территориальной организации природы и общества», посвященная 90-летию со дня рождения доктора географических наук, профессора Юрия Петровича Михайлова. – Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2012. – С. 53-54.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение

Глава 1. Теоретические вопросы развития трансграничных общественных систем

1.1. Процессы интернационализации и глобализации современного общественного развития

1.2. Трансграничный подход в общенаучных и географических исследованиях процессов развития геопространственных систем

Глава 2. Пространственно-временные модели в исследованиях общественных процессов в трансграничных регионах

2.1. Иерархические пространственно-временные модели в географических исследованиях мировых процессов

2.2. Динамические региональные и локальные пространственно-временные модели в процессах трансграничного взаимодействия, их функция и структура

Глава 3. Пространственная организация высшего образования в контексте мировых экономических и политических процессов

3.1. Мировая территориальная система высшего образования, ее модели и факторы развития

3.2. Территориальная стратегия развития высшего образования Российской Федерации, как евразийского государства

Глава 4. Национальные инструменты развития территориальных систем управления образованием в России в переходный период

4.1. Территориальное управление системы профессиональным образованием в России в период индустриализации страны

4.2. Инструменты территориального управления системой образования в стратегиях развития постсоветской России

Глава 5. Территориальная организация образованием в Китае в период вхождения государства в клуб самых мощных экономических держав мира

5.1. Территориальное управление профессиональным образованием в Китае в период его становления

5.2. Территориальная стратегия развития профессионального образования страны в XXI веке

Глава 6. Национальные инструменты развития территориального управления образования в Монголии

6.1. Инструменты развития территориального управления образованием в Монголии в советский и постсоветский период

6.2. Территориальная организация высшего профессионального образования страны в контексте системных изменений

Глава 7. Инструменты развития территориальной системы управления профессиональным образованием Байкальского региона в контексте национальных государственных интересов

7.1. Территориальная стратегия социально-экономического развития Байкальского региона до 2020-25 гг.

7.2. Территориальная организация образовательного и научного потенциала Байкальского региона

7.3. Территориальная модель профессионального образования Байкальского региона в системе трансграничья смежных районов России, Китая и Монголии

Заключение

Список литературы

Приложение

Подписано в печать 13.10.2013

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Способ печати оперативный.

Усл. печ. л. 2,9. Уч-изд. л. 2,9. Заказ № 10913. Тираж 100 экз.

Забайкальский государственный университет
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30